Моск. комсомолец. – 2001. – 24 янв. – с. 4

ФЕСТИВАЛЬ

Писатель и его муза

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

РУССКУЮ КРАСАВИЦУ ЕРОФЕЕВА ЗОВУТ ЖЕНЕЙ

На "Ликах любви" показали "Русскую красавицу" по-итальянски. Получилось очень смешно. В их представлении наша красавица — это вполне конкретная девица, про которую в старину церемонно говорили "гулящая". И никаких таких мистических глубин и душевных страданий. А конец и вовсе попсовый. Барышню отчего-то застрелили милиционеры, когда она играла что-то вроде Жанны д'Арк по-советски.

"Я Ирина Тараканова", — заявил писатель

Игорь Костолевский в роли советского чиновника, которого хватил инфаркт от невиданной любви, по меньшей мере странен и на фоне всех итальянских резких движений выглядит крайне замороженным парнем. Может, оттого что актер чувствовал себя в импортной компании не в своей тарелке, на показ в Дом кино он не пришел. А вот автор бестселлера и сценария по нему, писатель Виктор Ерофеев, несмотря на то что картину уже видел в Риме, вышел из зала все равно обескураженный. И, приняв несколько соболезнований и одно поздравление, дал интервью "МК".

— Виктор Владимирович, откуда возникла эта болгарская манекенщица в роли русской красавицы?

— Ее я как раз увидел первый раз в Москве, причем когда уже было отснято полфильма. Ну это, конечно, полный итальянский волюнтаризм — так увидеть русскую красавицу! Она могла бы быть и негритянкой, и индианкой — кем угодно. Это эротические фантазии итальянца, который так представляет себе Россию, но бить его за это не следует. Смеяться, наверное, тоже. Этот фильм говорит о том, что понимание между народами — гораздо более сложная вещь, чем мы себе представляем. Костолевского в главной мужской роли я, конечно, приветствовал, и с тех пор мы стали с Игорем друзьями. Его так волновали эти эротические сцены, что он просил их меня подрезать. Естественно, там был некоторый перебор — опять-таки эротические фантазии режиссера **Чезаре Феррарио** — с лизанием ног и прочим. В общем, это звучало довольно дико. (На самом деле сцены весьма смелые — когда волосатая рука актера массирует грудь партнерши без всяких дублеров, а потом девушка лижет ноги Костолевскому... И все в таком духе. — **Авт.**) Но, я думаю, есть удачные работы. Дедушка хорошо сыграл. Весь роман держится на иронии и на юморе, а в фильме все всерьез... Но **Аня Молчанова** по-настоящему играет...

(Молчанова в роли Ксюши — самая отличная актерская работа, безусловно. Наша девушка одним только взглядом, в котором такие черти водятся, затмевает эту подиумную штучку.)

...И мне очень жалко, что не она сыграла русскую красавицу, что роль Ирины Таракановой дали такой неподвижной болгарской модели, которая играла первый раз. Конечно, для дебюта, может, это и неплохая разминка, но ей еще очень долго бежать и бежать, чтобы стать актрисой. Да все русские, конечно, играют лучше. Я бы вообще не участвовал сегодня в "этом концерте", если бы не считал, что режиссер — хотя и "убийца" мой, но он был верен этой теме восемь лет. Вы представляете? Он ничего другого не делал, добивался денег на экранизацию. От него отворачивались продюсеры. В конце концов в процессе работы над фильмом он познакомился с очень богатой женщиной, женился на ней, и она дала ему довольно большое количество американских долларов, чтобы снять фильм. С одной стороны, может, и home-video такой получился, с другой стороны, эта верность идее... Есть какие-то вещи в жизни, которые надо уважать.

— От книги, понятно, почти ничего не осталось. А от сценария, который вы же и написали?

— Там есть несколько реплик, которые просто надерганы из романа. Все остальное — просто отсебятина. Весь роман построен на языке, и все это чисто языковая реальность. И когда она не переходит в другую реальность, то просто теряется. Но вот видите, все-таки я живой, не помер, в отличие от Бориса Виана, скончавшегося на просмотре экранизации своего романа. Сценарий так менялся, потому что сначала приходили одни продюсеры и говорили: "Она там в конце романа беременная вешается, а беременные не вешаются". Потом приходили другие и признавали: "Может вешаться". И то резали, то назад вставляли. И вообще картину будут показывать по первому каналу итальянского телевидения, поэтому сильно подрезали эротические сцены.

— А вообще, реально ли поставить "Русскую красавицу"?

— Вот Хотиненко хотел сделать фильм, — **Ерофеев указал на режиссера Хотиненко, который с женой дожидался, когда мы закончим, чтобы начать уже отмечать премьеру**. — И я думаю, мы бы иначе разговаривали с вами, если бы он сделал это.

— А какой общий тираж романа "Русская красавица"?

(Роман был написан за два года — с 1980-го по 1982-й, но первый раз был опубликован в конце 80-х, поскольку автор, как известно, подвергался гонениям после "Метрополя".)

— Только в Германии мы продали 150 тысяч. Это вообще после "Доктора Живаго" — вторая русская художественная книга, которая на Западе выходила таким тиражом. А общей цифры я не знаю, но в России на сегодняшний день продано полтора миллиона экземпляров. И допечатки продолжаются. Большие тиражи были и в Италии, и в Польше, и в Венгрии она стала бестселлером.

— Что же привлекает в ней иностранцев?

— Не любовная драма и не Россия, а, наверное, достоверность человеческих движений. Я помню, встречался с читателями в Америке, в каких-то маленьких городках. Они ничего не знали про Россию, даже где она находится. Их интересовало состояние влюбленной обманутой женщины. В романе, если взять основную любовную линию, никогда не понятно, любила ли она его или манипулировала... Тем не менее (и я это говорю абсолютно искренне), несмотря на бред фильма, в который погружаешься, а временами вообще полный позор, если есть желание понять, что здесь происходит, в России, значит, есть попытка контакта. Вообще до сих пор, кроме покойной Иры Метлицкой, я не знаю, кто бы мог сыграть русскую красавицу. Вот Молчанова (Ксюша) по энергетике мне подходит. Может, на безрыбье, но тем не менее. Костолевский — единственный из романа. Он просто в итальянском сценарии ничего не понял, взял роман, прочитал его и играл этого человека. Но он в этом фильме чужой. Что, может быть, тоже неплохо...

— А что ваша семья, что они сказали?

— Жена, папа, мама, все пришли. Жена сказала, что думала, что все будет немного получше. Родителей еще не видел... Но я рад, что это случилось не в Голливуде. У них бы получился такой адреналиновый фильм, и он бы приковал. А после этой картины образ русской красавицы не будет ассоциироваться с этой болгарской манекенщицей.

— Нет желания написать "Русскую красавицу-2" на современном материале?

— В моем следующем романе "Новая Москва" будет продолжение этой темы. Естественно, без красавицы, поскольку она ушла в мир иной. Но это будет, наверное, очень любовное произведение. "Русская красавица" написана от имени женщины, она видит мужчин, которые вокруг нее вертятся, как бесов. Но самым сложным было написать не от лица женщины, а как женщина видит мужчину. Я поймал какую-то интонацию — закрутилось и пошло. Правда, прототипы были — и Ксюша, и Ирина. Но это всегда сильное перемешивание правды и жизни... Вообще, конечно, Ирина Тараканова — это я сам. И собственно, это роман обо мне.

— Что еще сейчас на рабочем столе писателя?

— Я работаю каждую ночь где-то с часу до шести утра. Скоро выйдет книжка рассказов о любви. Все-таки я эту тему хочу продолжить, потому что, мне кажется, сейчас так мало пишут про любовь. Она будет называться "Небо по колено". Большинство рассказов совершенно новые, некоторые будут абсолютно радикальные...

— Вы часто появляетесь на телевидении, на каких-то тусовках. На открытие "Ликов любви" вы пришли с дочерью... Писатель должен выходить в свет?

— Ну, во-первых, не с дочерью, а с женщиной, с которой я сейчас живу. Можете написать: "писатель и его муза". Ее зовут Женя. (На премьере юной хохотушки с косичками почему-то не было. — **Авт.**) А про телевидение... Мои книжки — очень трудные для понимания, поэтому я появляюсь там — нужно найти какой-то общечеловеческий контакт. Это не Пелевин, это другое. И многие читатели это ценят.

— А вам так не нравится Пелевин?

— Ну это Булгаков для бедных. Поскольку бедных много... Нет, я к Виктору нормально отношусь. Но вот был Чехов и был Потапенко, был Гоголь и был Загоскин. И Потапенко, и Загоскин в свое время были гораздо более популярны, чем Чехов и Гоголь.

— А кто сейчас Гоголь?

— Ну, я думаю, Сорокин — настоящий писатель, если их так сравнить. Пелевин — модный и попал в правильную тему, и он человек способный, талантливый. Но творчество — это умение слышать нечто такое идущее из другого мира. И тут разница между Сорокиным и Пелевиным или между мной и Пелевиным — не преодолима.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ